

Искушение прощением

Про книгу

Детектив Гвидо Брунетти получает задание выяснить, кто из его коллег причастен к утечке информации из полицейского участка. Практически одновременно с этим знакомая, синьора Кросера, просит детектива помочь ей: ее сын начал принимать наркотики. Вскоре ее мужа Туллио находят под мостом с серьезной травмой головы. Брунетти начинает искать возможную связь этого происшествия с поведением мальчика. Детективу препятствует «крот», таящийся в участке. Блуждая в лабиринте противоречивых догадок, Брунетти следует в мир преступных сделок и мошеннических афер.



ДОННА
ЛЕОН

ИСКУШЕНИЕ
ПРОЩЕНИЕМ



DONNA
LEON

THE
TEMPTATION
OF FORGIVENESS

A Novel



WILLIAM HEINEMANN: LONDON

ДОННА ЛЕОН

ИСКУШЕНИЕ ПРОЩЕНИЕМ

Роман

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2021  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА



Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8750-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:



Печатается по изданию:
Leon D. The Temptation of Forgiveness / Donna Leon. — London : William Heinemann, 2018. —
304 p.

Перевод с английского *Наталии Чистюхиной*

Дизайн обложки

CreaLab
Creative Laboratory

Детектив Гвідо Брунетті отримує завдання з'ясувати, хто з його колег причетний до витоку інформації з поліцейської дільниці. Практично одночасно з цим знайома, синьйора Кросера, просить детектива допомогти їй: її син почав уживати наркотики. Невдовзі її чоловіка Туліо знаходять під мостом із серйозною травмою голови. Брунетті починає шукати можливий зв'язок цієї події з поведінкою хлопця. Детективу чинить перепони «кріт», що зачався в

дільниці. Блукаючи в лабіринті суперечливих здогадів, Брунетті слідує у світ злочинних угод і шахрайських афер.

Леон Д.

Л47 Искушение прощением : роман / Донна Леон ; пер. с англ. Н. Чистюхиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 304 с.

ISBN 978-1-78515-195-8 (англ.)

ISBN 978-617-12-8602-3

Детектив Гвидо Брунетти получает задание выяснить, кто из его коллег причастен к утечке информации из полицейского участка. Практически одновременно с этим знакомя, синьора Кросера, просит детектива помочь ей: ее сын начал принимать наркотики. Вскоре ее мужа Туллио находят под мостом с серьезной травмой головы. Брунетти начинает искать возможную связь этого происшествия с поведением мальчика. Детективу препятствует «крот», таящийся в участке. Блуждая в лабиринте противоречивых догадок, Брунетти следует в мир преступных сделок и мошеннических афер.

УДК 821.111

© Donna Leon and Diogenes Verlag AG, Zurich, 2018

© DepositPhotos.com / Demian, Jaromatik, обложка, 2021

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Посвящается Анн Халленберг

Там, где казнит закон, любовь спасет.
Из оратории «Эсфирь» Г. Ф. Генделя, акт II, сцена 3

1

Выйдя из дома с таким расчетом, чтобы не опоздать на прием к начальству в квестуру, Гвидо Брунетти вскоре уже сидел в самом конце салона вапоретто¹ номер один и лениво листал утреннюю *Il Gazzettino*². Едва он подумал, что остановку «Салюте» они проехали и скоро «Валларессо», как вдруг где-то рядом взревел мотор, переведенный в реверсивный режим. У коренных венецианцев своя, встроенная система эхолокации, почти как у летучих мышей: Брунетти легко определил, что до левого берега канала далеко, и тем более неуместным показался ему этот звук. Может, впереди какая-то помеха и капитан пытается ее обойти?

Комиссар опустил газету, осмотрелся и ничего такого не заметил. Впрочем, нет, впереди по курсу — плотная серая стена, в которой Брунетти сразу же опознал наползающую полосу тумана. Верилось в это с трудом, настолько ясным было небо, когда он двадцать минут назад вышел из парадной. И вот, пока он читал об очередном провале проекта MOSE³ (проблемы с паводковыми шлюзами, и это после тридцати лет планирования и казнокрадства!), поперек канала, перед самым носом вапоретто словно натянулся занавес из толстой серой ткани.

Конечно, туманы в ноябре не редкость, и с прошлой недели ничуть не потеплело... Брунетти посмотрел на своего соседа справа, но тот был настолько поглощен происходящим на экране смартфона, что не заметил бы и стайки серафимов, спустись они с небес и начни заглядывать в окна.

За пару метров до серой стены вапоретто остановился, и двигатель перешел на нейтралку. Сзади какая-то женщина прошептала: *Oddio!*⁴ — голосом, в котором угадывалось легкое удивление, но не страх. Брунетти посмотрел налево, в сторону *ri'va*⁵. Гостиницу Eugora и Палаццо-Тревес еще можно было разглядеть, а вот дворец Ка'Джустиниан поглотил все тот же плотный туман, что висел сейчас над Гранд-каналом.

Сосед справа наконец оторвался от телефона и посмотрел вперед, после чего снова уткнулся в миниатюрный экран, держа его в левой руке. Брунетти сложил газету и обернулся. Через окна и стеклянную дверь запасного выхода он увидел несколько подплывающих судов и еще пару плывущих в обратном направлении, к мосту Риальто. Трамвайчик номер два отчалил от остановки «Академия» и поплыл было к ним, но вскоре сбросил скорость, а потом и вовсе замер.

Громкий гудок — и из-за притормозившего трамвайчика вырулило и понеслось в сторону их вапоретто речное такси. Когда оно проплывало мимо, Брунетти успел рассмотреть рулевого, беседующего о чем-то со стоящей позади него блондинкой. В следующий миг ее губы приоткрылись, как если бы она охнула от испуга или вскрикнула, вынуждая водителя посмотреть вперед. Не изменившись в лице, тот повернул руль, обогнул трамвайчик, в котором был Брунетти, и такси нырнуло в туманную завесу.

Комиссар протиснулся мимо соседа по сиденью и выскочил на палубу, ожидая столкновения такси с невидимой преградой, но слышал только затихающий гул мотора. Их собственный двигатель тоже ожил, и вапоретто потихоньку пополз вперед. Со своего места Брунетти не видел, включен ли радар на крыше. Наверняка включен, иначе они бы вообще не рискнули сдвинуться с места...

Легко и быстро, как волшебный корабль в сказке, они прошли сквозь серую пелену, и вот оно, солнце! В рубке матрос расслабленно облокотился о стеклянную стенку, в то время как стоящий у руля капитан продолжал смотреть прямо вперед. На набережной, сбросив свои туманные одежды, плавно проплывали вдоль левого борта *палацци*⁶. До остановки «Валларессо» оставалось всего ничего.

За спиной у Брунетти открылась дверь, и люди зашагали мимо него, к боковым поручням. Трамвайчик пришвартовался, матрос открыл проход, и одни пассажиры стали высаживаться, а другие — подниматься на борт. Через минуту заграждение снова закрылось и они отчалили. Брунетти оглянулся в сторону моста Академии; туман бесследно растаял. Их трамвай то и дело догоняли и обходили другие суда. Впереди — *бачино*⁷, слева — библиотека Марчиано, собор Святого Марка и Дворец дождей: всё на своих местах, и утреннее солнце разгоняет последние ночные тени...

Брунетти заглянул в салон. Интересно, кто-нибудь, кроме него, видел этот туман? Если бы еще вспомнить, кто из пассажиров был в это время в салоне... Конечно, можно спросить. Он представил себе изумленные взгляды и передумал.

Комиссар провел рукой по металлическому поручню: сухо, и на палубе тоже. На Брунетти сегодня был синий костюм, и солнце приятно согревало его правую руку и плечо. В ясном небе ни облачка, воздух сухой и свежий, ярко светит солнце...

Брунетти сошел возле церкви Святого Захарии, забыв в трамвайчике газету. И, глядя вслед вапоретто, попрощался заодно и с надеждой проверить, не привиделось ли ему все это. Размышляя, комиссар медленно прошелся вдоль рива, но объяснений не находилось, и ему это вскоре надоело. Он сосредоточился на предстоящей аудиенции у начальства.

Вчера днем по электронной почте Брунетти получил письмо: виче-квесторе ⁸ Джузеппе Патта приглашал подчиненного заглянуть к нему утром в кабинет. Без объяснений, как обычно, а вот формулировки, напротив, слишком вежливые.

Чаще всего виче-квесторе Патта вел себя вполне предсказуемо как для человека, столь высоко взобравшегося по бюрократической лестнице. Бездельничал с видом вечно занятого начальника; не упускал ни единой возможности присвоить похвалу, заслуженную всем коллективом; имел черный пояс по перекладыванию на чужие плечи вины и ответственности за провал. Что не вписывалось в общую картину — так это то, что его карьера, с невероятной легкостью миновав предыдущие этапы, вдруг застопорилась. В большинстве своем чиновники его ранга продолжали расти, перемещаясь из провинции в провинцию, из города в город, пока долгожданное повышение не увлекало их в Рим, где они обычно и оседали, как толстый слой сливок на йогурте, перекрывая доступ свету, воздуху и возможности роста нижестоящим.

Патта, как кембрийский трилобит, прорыл себе дорогу в квестуру Венеции, где стал своего рода живым ископаемым. Рядом, застыв в том же слое илистых отложений, находился его помощник лейтенант Скарпа — еще один уроженец Палермо; очевидно, он тоже никуда не рвался. Комиссары приходили и уходили, за время пребывания Патты в Венеции было уже три квесторе; даже компьютеры в офисе дважды

заменяли. Но Патта оставался — уцепившийся за скалу моллюск, которого не смыть набегающей волне, и верный Скарпа рядом.

К городу эти двое не питали ни малейшей симпатии, не говоря уже о любви. Стоило кому-то сказать, что Венеция прекрасна или, хуже того, что это красивейший город в мире, Скарпа и Патта обменивались взглядами, и становилось ясно: у них есть возражения на этот счет, пусть и не озвученные. «Видели бы вы Палермо!» — наверняка думали они.

В приемной Брунетти вполне ожидаемо увидел синьорину Элеттру Дзордзи, секретаршу виче-квесторе Патты. Они поздоровались.

— Комиссаро, виче-квесторе звонил минут пять назад и просил передать, что он скоро будет.

С таким же успехом Влад Цепеш, он же Дракула, мог извиниться за то, что его колья недостаточно остры...

— Что это с ним? — не сумел скрыть изумления Брунетти.

Синьорина Элеттра в раздумье склонила головку и хотела было улыбнуться, но передумала.

— В последнее время виче-квесторе часто разговаривает по телефону с женой, — заметила она. И после паузы добавила: — О чем — трудно сказать. Говорит в основном она, а он довольно скупой ей отвечает.

Наверняка секретарша каким-то образом умудрилась установить в кабинете Патты подслушивающее устройство... Впрочем, подробности Брунетти не интересовали, а догадки он держал при себе.

— Когда приходит лейтенант, они разговаривают стоя у окна.

Означает ли это, что приборчик находится в столе и Патта, подозревая неладное, старается увести помощника подальше, чтобы их голоса невозможно было услышать? Или они со Скарпой просто любят виды?

— Неужели? — вскинул брови Брунетти.

На синьорине Элеттре сегодня была бордовая блузка с белыми пуговками на планке и на манжетах. Судя по красивым переливам ткани, это был шелк.

Секретарша положила руку на стол, расставив пальцы, и тут же накрыла их пальцами другой руки — крест-накрест, так что получилась решетка.

— Понятия не имею, что его беспокоит.

Это прозвучало скорее как вопрос, и Брунетти в очередной раз удивился: если кто и мог знать, что замышляет Патта, то это синьорина Элеттра.

— Разговаривая по телефону с женой, он не нервничает. Просто слушает и твердит, чтобы она делала так, как считает нужным.

— А со Скарпой?

— Нервничает — это еще мягко сказано. — Секретарша помолчала немного, словно размышляя, и добавила: — Такое впечатление, что ему не нравится то, что говорит Скарпа. Виче-квесторе то и дело его прерывает. А однажды даже велел не приставать к нему больше с такими вопросами.

Синьорина Элеттра явно увлеклась: разве могла она услышать все это, сидя в приемной?

— Любовный разлад... — проговорил Брунетти с непроницаемым лицом.

— Похоже на то, — согласилась она и тут же спросила: — Желаете подождать его в кабинете или мне перезвонить вам, когда виче-квесторе вернется?

— Пойду к себе. Позвоните, когда он появится. — И, не в силах удержаться, Брунетти бросил финальную реплику: — Не хочу, чтобы Патта увидел, как я шарю у него в столе.

— Ему бы это не понравилось, — послышался от двери зычный голос.

— А, это вы, лейтенант, — легко отозвался Брунетти, лучезарно улыбаясь человеку, который стоял, лениво привалившись к дверному косяку. — И снова наши сердца бьются в унисон в стремлении защитить интересы виче-квесторе!

— Это ирония, комиссарио? — с натянутой улыбкой поинтересовался Скарпа. — Или, может быть, сарказм? — После короткой паузы он счел нужным пояснить: — Нам, тем, кто не имел счастья учиться в университете, иногда трудно различить оттенки.

Брунетти помедлил, уделяя вопросу вполне заслуженное внимание, а затем ответил:

— Я бы сказал, что это гипербола, лейтенант. В данном случае — умышленное преувеличение, которое делает высказывание ложным и невероятным. — Не дождавшись от Скарпы ответа, комиссар развил свою мысль: — Гипербола — это стилистическая фигура, придающая

нашей речи выразительность. — Скарпа снова промолчал, и Брунетти, все еще улыбаясь, продолжил: — На философии — в университете мы изучали и ее тоже — нам рассказывали об апагогии. *Argumentum ad absurdum*.

Понимая, что перегибает палку, комиссар все-таки удержался и не сказал, что именно этот логический прием выручает его в разговорах с виче-квесторе.

— То есть вы сказали это в шутку? — наконец отозвался Скарпа.

— Конечно, лейтенант! Именно. Разве я могу хоть в чем-то обмануть доверие виче-квесторе? Абсурд! Даже думать об этом смешно. — И Брунетти улыбнулся, как улыбается на приеме у дантиста пациент, когда его просят показать передний ряд зубов.

Быстрым движением Скарпа оттолкнулся от дверного косяка. Секунду назад лейтенант был сама расслабленность, сейчас же выглядел собранным, энергичным и, кажется, даже стал выше ростом. Стремительность, с которой он переменял позу, напомнила Брунетти о змеях из научно-популярных фильмов. Не трогай ее, и она лежит себе, свернувшись, как неживая. Малейший шорох — и змея мгновенно превращается в хлыст, который до многого может дотянуться.

Брунетти не перестал улыбаться, напротив, его улыбка стала еще более очаровательной. Повернувшись к секретарше, он сказал:

— Пойду к себе! Синьорина, буду очень признателен, если вы позвоните мне, когда придет виче-квесторе.

— Конечно, комиссарио! — кивнула синьорина Элеттра и обратилась к Скарпе: — Чем могу быть вам полезна, лейтенант?

Брунетти направился к двери. Скарпа не шелохнулся, по-прежнему загораживая проход. Время остановилось... Синьорина Элеттра отвела глаза...

В конце концов лейтенант шагнул к ее столу и Брунетти вышел в коридор.

[1](#) Речной трамвай в островной части Венеции. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

[2](#) Ежедневная газета, популярная на севере Италии.

[3](#) Технический проект, цель которого — защита Венеции и близлежащих населенных пунктов от наводнений.

[4](#) О боже! (*итал.*)

[5](#) Берег (*итал.*).

[6](#) Дворцы (*итал.*).

[7](#) Бухта (*итал.*).

[8](#) Заместитель начальника полицейского управления.

2

У себя на столе Брунетти увидел то, чего предпочел бы не видеть вовсе: папку, в которой, с тех пор как она появилась в квестуре, страницы постоянно добавлялись. Месяца два назад эта папка неделю пролежала в лотке для входящих документов — совсем как приятель, которого приводишь к себе поужинать, а он слишком много пьет, молчит весь вечер и отказывается уходить, в то время как другие гости уже давно разошлись по домам. Папку Брунетти, конечно, к себе не приглашал, но толку от ее содержимого было мало, и как избавиться от нее, было неясно.

В эту темно-зеленую манильскую папку⁹ подшивались документы по преступлениям, так или иначе связанным с автомобилями: нарушение правил дорожного движения, побег с места происшествия, порча придорожных скоростных видеокамер; вождение в пьяном виде или разговоры по *телефонно*¹⁰ за рулем, или, что еще опаснее, набор текстовых сообщений по нему же. В исторической части Венеции автомобилей нет, и потому преступления такого рода редко попадали в поле зрения квестуры.

Здесь также хранились дела, связанные с незаконным получением целого перечня документов: регистрационного удостоверения на автомобиль, страховки, водительских прав, результатов экзамена по вождению. Хотя все эти бумаги подлежали регистрации в центральном офисе, в Местре¹¹, о любой незаконной попытке получить их в пределах коммуны немедленно извещали венецианскую полицию.

Самая толстая пачка документов в папке была связана с инцидентом, случившимся «на материке». Прочитав первый же протокол, Брунетти в очередной раз восхитился креативностью своих сограждан. О преступлении заявили врачи больницы, расположенной в Местре: за два дня в отделение неотложной помощи явились пятеро мужчин, и у каждого в ушной раковине было по миниатюрному радиоприемному устройству, причем оно находилось так глубоко, что извлечь его самостоятельно было невозможно. Пришлось ехать в больницу. Врачебный осмотр показал, что у всех пятерых к животу были прикреплены передающие устройства с крошечными

видеокамерами, выведенными наружу через петлю для пуговицы на рубашке — повыше, на груди.

Четверо оказались пакистанцами, ни один не мог объясняться по-итальянски, так что пришлось вызвать сперва переводчика, а уже потом полицию. Выяснилось, что все пятеро посещали одну школу вождения в Местре и накануне провалили устный экзамен на знание дорожных знаков. Позже полиция установила, что передатчики им на животы прикрепили сотрудники автошколы, радиоприемники в уши — они же. Посредством камеры изображение дорожного знака, значение которого просил пояснить экзаменатор, передавалось «удаленному помощнику», который и диктовал экзаменуемому нужную информацию. Так эти люди сдавали экзамен и получали водительские права.

Брали за это две-три тысячи евро с человека, и за то время, пока схема не раскрылась, за рулем, скорее всего, оказалось несколько сот неквалифицированных водителей, причем не только автомобилей, но и большегрузов дальнего следования, и автопоездов.

В квестуре с содержимым папки ознакомились все без исключения, поэтому Брунетти решил оставить ее на столе — так водитель, отчаявшись вырваться из пробки, выезжает на аварийную полосу и по ней едет до ближайшей развязки.

Брунетти даже подозревал, что держит эту папку у себя для напоминания, каким изобретательным может быть человек, особенно если речь идет об обогащении.

Зазвонил телефон.

— Комиссарио, виче-квесторе на месте, — произнесла синьорина Элеттра особым тоном, давая понять: Патта стоит у ее стола.

— Уже иду! — ответил Брунетти, поднимаясь.

Когда он вошел в приемную, виче-квесторе по-прежнему возвышался возле секретарского стола: обсуждал с синьориной Элеттрой свое сегодняшнее расписание. Брунетти отметил и красивый осенний загар начальника, и его темно-серый костюм, которого раньше не видел. На костюме комиссар и сосредоточился, не вмешиваясь в разговор. Немая ласка, с которой пиджак обнимает широкие плечи Патты, мягкий изгиб ткани на единственном защипе у пояса... Взгляд Брунетти пробежал по рукаву и остановился на обшлаге, вернее, на петлях для пуговиц. Они действительно были обметаны вручную —

деталь, всегда заставлявшая комиссара восхищаться мастерством портного.

Черные туфли виче-квесторе, несомненно, тоже изготовлены на заказ, а почти незаметная перфорация на носке — всего лишь способ подчеркнуть мягкость кожи. И эти шнурки с кисточками! Нравилось это Брунетти или нет, но туфли Патты были прекрасны.

— А, комиссарио! Доброе утро! — любезно поприветствовал его виче-квесторе. — Прошу вас ко мне в кабинет.

С годами Брунетти понял: Патта соотносит свою манеру речи с важностью персоны, к которой эта речь обращена. С квесторе он говорил на безупречном итальянском, недостижимом даже для коренных тосканцев¹². Так же — с синьориной Элеттрой. Палермский акцент усиливался прямо пропорционально понижению собеседника в ранге. Появлялись странные гласные; существительные женского рода внезапно приобретали окончание *i*; удвоенные *ll* превращались в *dd*; *Madonna* начинала звучать как *Maronna*; *bello*¹³ превращался в *beddu*. Временами у слов пропадала заглавная *i* и возвращалась на место, лишь завидев начальство или другую важную особу. Судя по сегодняшнему приветствию виче-квесторе, он, Брунетти, явно взлетел по карьерной лестнице, причем ступеней на пять. Правда, здравый смысл подсказывал ему: это ненадолго.

Патта вошел в кабинет первым, предоставив комиссару закрыть дверь. Виче-квесторе направился было к своему креслу, но потом передумал и опустился на стул для посетителей, стоявший у стола. Брунетти разместился на втором таком же стуле.

Когда оба уселись, Патта произнес:

— У меня к вам откровенный разговор, комиссарио.

Брунетти не воспользовался возможностью спросить, как же начальник разговаривал с ним раньше, а изобразил приятную заинтересованность. Хорошо хоть обошлось без долгих вступлений.

— У нас утечка, — сказал Патта.

— Утечка? — переспросил Брунетти, сдерживая желание посмотреть на потолок.

— Да, в квестуре, — продолжил начальник.

А, вот о какой утечке речь... Брунетти задумался. Что Патта имеет в виду? В последнее время ни в *Il Gazzettino*, ни в *La Nuova di Venezia*

не появлялось никакого компромата. Другие источники тоже не сообщали об утечке информации из квестуры.

Так и не найдя с ответом, Брунетти снова перевел взгляд на пиджак Патты, а потом и на петли ручной работы. Красота в глазах смотрящего... и созерцать ее всегда приятно.

— В чем дело, комиссарио? — осведомился Патта привычным инквизиторским тоном.

Не задумываясь — возможно, впервые за многие годы, — Брунетти ответил честно:

— Меня заинтересовали петли на вашем пиджаке, синьоре.

Патта в изумлении прижал правую руку к туловищу и уставился на обшлаг рукава, словно испугавшись, что Брунетти собирается украсть его пуговицы. Рассмотрев их как следует, начальник спросил:

— А что с ними?

Улыбка Брунетти была непринужденной.

— Я люблюсь ими, виче-квесторе.

— Петлями?

— Да.

— Вы считаете, что они какие-то особенные?

— По-моему, это очевидно, — сказал Брунетти. — Ручная работа. Приятно видеть такое аккуратное шитье. Это как пенка на кофе: она получается не всегда, и большинство людей не обращает на это внимания. Но когда она есть и ты ее видишь, кофе почему-то кажется вкуснее.

Лицо Патты смягчилось, и у Брунетти появилось странное чувство: ему показалось, что на душе у начальника стало легче; так радуешься, когда встречаешь друга там, где ожидал увидеть одних незнакомцев.

— Я нашел одного портного в Мольяно, — доверительно сообщил комиссару Патта и, быстро глянув на Брунетти, добавил: — Если хотите, могу дать его координаты.

— Очень любезно с вашей стороны, синьоре.

Патта вытянул руку, поддержнул манжету на рубашке и откинулся на спинку стула.

Брунетти подумал, что это их первая личная беседа, — мужской разговор, на равных. И что же они обсуждают? Петли для пуговиц!

— Утечка информации, синьоре... Не могли бы вы рассказать об этом поподробнее?

— Я хотел обсудить это с вами, Брунетти, потому что вы всех тут знаете, — сказал виче-квесторе, напоминая этим, что прежний Патта никуда не делся и то, что принято называть внутренней кухней квестуры, для него по-прежнему полнейшая загадка.

Брунетти сделал невольный жест, то ли отрекаясь от этого знания, то ли, напротив, призывая его из глубин своего разума.

— С вами-то они говорят, — продолжал настаивать Патта.

Когда подозрения начальства наконец обрели вербальную форму, Брунетти расслабился. Даже если тема разговора новая, порядок вещей, читай — враждебность, прежний... Стряхнув не к месту проснувшуюся симпатию к начальству, комиссар призвал на помощь присущее ему от природы здравомыслие.

— Виче-квесторе, о чем конкретно идет речь?

Патта негромко откашлялся.

— Ходят слухи, что в квестуре недолюбливают лейтенанта Скарпу, — сказал он, старательно сдерживая сквозившее в голосе возмущение. И, уже спокойнее, как о чем-то менее важном, продолжил: — И что на сторону утекла кое-какая информация о задержанном, полученная в ходе допроса.

«А вот теперь держи себя в руках!» — приказал себе Брунетти, мысленно взвешивая первую ремарку, о лейтенанте Скарпе. Лейтенанта он презирал, относился к нему с недоверием и почти не скрывал этого, хотя Патта, кажется, в упор этого не замечал, как и многого другого, происходящего в квестуре. Лучше изобразить удивление; негодование — это будет слишком. Может, добавить нотку любопытства? Так, стоп! А что насчет утечки?

— Хотелось бы знать источник этой информации, синьоре. Если, конечно, вы можете его назвать.

— Лейтенант доложил мне об этом лично, и о первом, и о втором, — ответил Патта.

— А он назвал свой источник?

Немного поколебавшись, виче-квесторе сказал:

— Это кто-то из его осведомителей.

Брунетти задумчиво потер нижнюю губу левой рукой. Он не спешил отвечать, давая себе время подумать.

— По-моему, странно, что этот осведомитель узнал о деятельности квестуры нечто такое, о чем никто из нас, сотрудников, похоже, и не

подозревал. — И после короткой паузы добавил: — Можно задать этот вопрос синьорине Элеттре!

— Я хотел сначала поговорить с вами, — сказал Патта, и дальнейших объяснений не последовало.

Брунетти кивнул, как будто понял ход начальственной мысли. Скорее всего, Патте не хотелось делиться с синьориной Элеттрой подозрениями, которые могут оказаться беспочвенными.

— Этому осведомителю можно верить? — спросил комиссар.

— А мне откуда знать? — возмутился Патта. — Я информаторами не занимаюсь.

Инстинкт бюрократического самосохранения подсказывал Брунетти: молчи. И он прислушался к внутреннему голосу. Развел руками, согласно кивнул и только потом произнес:

— Возможно, кто-то нарочно распускает эти слухи, чтобы создать некую напряженность между лейтенантом и коллегами? Несомненно, в коллективе он на особом счету. — После короткой паузы, пока начальник обдумывал его предыдущую ремарку, комиссар сказал: — Я бы оставил оба этих слуха без внимания, синьоре. Если, конечно, вам интересно мое мнение.

Патта неловко заерзал на стуле или это ему показалось? Брунетти выждал с полминуты, продемонстрировав тем самым уважение к начальству, и встал.

— Виче-квесторе, если у вас больше нет вопросов, мне лучше вернуться в свой кабинет.

[9](#) Папка для документов из особой плотной бумаги характерного желто-коричневого цвета.

[10](#) Мобильный телефон (*итал.*, *разг.*).

[11](#) Материковый район Венеции.

[12](#) Тосканский диалект признан эталоном.

[13](#) Красивый (*итал.*).

3

Брунетти притворил за собой дверь и повернулся к синьорине Элеттре в надежде узнать от нее подробности дела. И удивился, увидев рядом с секретаршей Вианелло. Тот стоял, склонившись к ее монитору и на что-то указывая.

— А, теперь я понял! — с уважением произнес инспектор Вианелло. — Это так просто! — Он кивнул и, довольный собой, отошел от компьютера. — Я дважды пытался это сделать, но не замечал очевидного.

Синьорина Элеттра переключила внимание с экрана на Брунетти и вопросительно вскинула брови. Комиссар улыбнулся и помотал головой.

— У виче-квесторе всегда есть о чем рассказать. — И, убедившись, что они его внимательно слушают, добавил: — Теперь дотторе¹⁴ Патта подозревает, что кто-то в квестуре сливает информацию на сторону.

Любопытно, как отреагирует на эту новость Вианелло... Но инспектор промолчал, и Брунетти добавил:

— Наверное, посмотрелся шпионских фильмов. А может, не он, а лейтенант. Эти сплетни принес ему Скарпа.

Синьорина Элеттра отвернулась к монитору. Нажала какую-то клавишу, закрывая лишние окна, потом еще одну — и на экране появилась первая полоса *Il Gazzettino*, тот самый номер, который комиссар читал утром в речном трамвайчике. Секретарша прочла пару строк, глянула на Брунетти и снова сосредоточилась на статье. Синьорина Элеттра не стала ничего комментировать. Про себя Брунетти удивился: как же так? Обычно слухи ее очень даже интересовали. Или на лейтенанта Скарпу ее любопытство не распространяется?

Вианелло недоверчиво хмыкнул:

— Можно подумать, то, чем мы тут занимаемся, большой секрет.

Небрежно, не отрывая глаз от экрана, синьорина Элеттра спросила:

— А виче-квесторе не сказал, какую конкретно информацию слили?

Брунетти посмотрел на дверь кабинета Патты и вскинул обе руки, повернув их ладонями к синьорине.

— О том, что лейтенанта Скарпу в квестуре, скажем так, не слишком любят.

О той, второй, предположительной утечке он не упомянул — счел это несущественным.

Имя лейтенанта Скарпы привлекло внимание синьорины Элеттры. Внезапно улыбнувшись, она посмотрела на Брунетти и сказала:

— Кто бы мог подумать!

Комиссар засмеялся:

— Именно так я и ответил начальству.

— Нам что, больше делать нечего, кроме как волноваться за лейтенанта и из-за того, что кто-то там о нем рассказывает? — спросил Вианелло.

Брунетти уже собирался уходить, но любопытство все же взяло верх, и он спросил:

— Чем таким интересным вы тут занимались, когда я вышел из кабинета Патты?

Вианелло с секретаршей переглянулись, и инспектор сказал:

— Расскажите лучше вы, синьорина! Я это переживу. Я — мужчина.

— Решали задачку, которую сыну инспектора задали на дом, — ответила синьорина Элеттра.

— Мой Лу́ка углубленно изучает компьютерные технологии, — пояснил Вианелло. — Учитель дал им задание, и сыну никак не удавалось его выполнить. Я решил сделать это сам, тем более что в квестуре компьютеры и программы помощнее. Подумал, что у меня получится...

— И?.. — спросил Брунетти, предугадывая ответ.

— Задача оказалась мне не по зубам, — пожал плечами Вианелло.

Синьорина Элеттра перебила его:

— Я провозилась с ней довольно долго, пока не поняла, что к чему.

— Она посмотрела на инспектора. — Лука ее решил?

Тот засмеялся.

— Я спросил за завтраком, и он сказал, что ночью его осенило, он встал и решал задачу до тех пор, пока не получил ответ.

Вианелло улыбнулся, потом вздохнул.

— И он совпал с нашим? — спросила секретарша.

Брунетти отметил про себя это «нашим». Очень мило с ее стороны...

— Не знаю, — сказал Вианелло. — Лука очень спешил. Пообещал рассказать за ужином.

Их отвлек офицер Альвизе, внезапно появившийся в дверях.

— Вот вы где, комиссарио! — выпалил он и козырнул, после чего привалился к дверному косяку, держась за сердце и тяжело дыша.

Было ясно, что ему пришлось бежать по лестнице. Альвизе был самым низкорослым из сотрудников квестуры. Может, из-за этого ступеньки кажутся ему выше, чем остальным?

— Там, внизу, женщина. Она хочет поговорить с вами, комиссарио! — не без усилия произнес он.

— Не проще ли было позвонить мне, Альвизе? — спросил Брунетти.

Лицо офицера окаменело, рука соскользнула с груди; казалось, он даже дышать перестал. На несколько секунд Альвизе застыл, как актер, подсвеченный софитами здравого смысла... Затем, придя в себя, пробормотал:

— Знаю, дотторе! Но мне хотелось показать ей, что я понимаю: это важно.

После этих слов Брунетти ничего не оставалось, как ответить:

— Тогда возвращайся к ней и, если тебе не трудно, проводи ее ко мне в кабинет.

Альвизе, так и не отдышавшись, кивнул, развернулся и убежал.

Все трое молчали, пока его шаги на лестнице не затихли.

— Почему вы всегда так добры к нему, синьоре? — спросила синьорина Элеттра.

Брунетти ответил не сразу. Не то чтобы он как-то по-особому относился к офицеру Альвизе...

— Потому что он в этом нуждается.

Секретарша едва заметно кивнула.

— Я буду у себя, — сказал Брунетти.

Вернувшись к себе в кабинет, он постоял немного у окна, глядя на оплетенную виноградом стену виллы по другую сторону канала. То тут, то там листок отрывался и падал в воду. «Время отлива», — отметил про себя Брунетти. Будь он поэтом, он бы восхитился этой аллегорией умирания — листьями, уносимыми прочь неумолимой волной.

Комиссар повернулся на звук шагов и увидел в дверях Альвизе, а за ним — женскую макушку. Посетительница была сантиметров на

десять выше своего сопровождающего.

— Комиссарио, — начал Альвизе, выразительно отдавая честь и отступая, чтобы женщина могла войти, — это синьора Кросера. Она хочет с вами поговорить.

— Спасибо, Альвизе! — сказал Брунетти.

Уже на полпути к двери он вспомнил, где видел эту женщину. С первого взгляда ему это не удалось. Но потом память подсказала: эта дама — знакомая Паолы и преподает в университете, хотя и на другом факультете. И, кажется, Паола очень хорошо о ней отзывалась. Она и представила ее Гвидо много лет назад. Иногда они с синьорой Кросерой сталкивались на улице — обычное дело в Венеции! — ее неизменно сопровождал высокий мужчина с седеющими волосами, такими густыми и так аккуратно причесанными, что Брунетти невольно вспоминал о маленькой, с монетку, зальсине, наметившейся на его собственном затылке, и начинал завидовать этому незнакомцу.

— Здравствуйте, синьора Кросера!

Брунетти пожал посетительнице руку, стараясь, чтобы все выглядело так, будто он сразу ее узнал. Дама была почти одного с ним роста, с темно-каштановыми волосами до плеч и глазами такого же оттенка. У нее были красивые пухлые губы, но когда она попыталась улыбнуться, их уголки лишь чуть-чуть приподнялись.

— Прощу вас, присаживайтесь, — сказал Брунетти.

Он подождал, пока женщина опустится на стул, и только потом обошел вокруг стола и занял свое место, показывая тем самым, что понимает: она пришла проконсультироваться с полицейским, а не с мужем подруги.

Синьора Кросера присела на краешек стула, сжав колени, и быстро обежала глазами кабинет. Она была в черных брюках и темно-зеленом жакете и выглядела, как человек, который недосыпает. Женщина наклонилась, чтобы поставить сумочку на пол рядом со стулом, а когда выпрямилась, стало ясно: теперь она контролирует выражение своего лица гораздо лучше.

— Чем я могу помочь, профессоресса? — невозмутимо поинтересовался Брунетти, как будто перед ним, commissario di polizia, что ни день появлялась дрожащая от волнения университетская преподавательница.

Молчание затянулось; наконец синьора Кросера сказала:

— Я думала, мне будет легче поговорить об этом с кем-то из знакомых. — И тут же пояснила: — Не то чтобы я знала вас лично, комиссаро... Паола никогда о вас не рассказывает... О вашей профессиональной деятельности... о работе. Никогда. Судя по тому, что я от нее слышала, вы с одинаковым успехом могли бы быть нотариусом или электриком.

Брунетти усмехнулся.

— Наверное, так она пытается сберечь время и силы нам обоим.

— Что, простите? — переспросила посетительница, даже не пытаясь скрыть замешательства.

— Если бы Паола рассказала коллегам, что ее муж полицейский, они стали бы являться к нам домой в любое время суток — поведать о том, что сосед без разрешения властей установил у себя новую ванну, и звонить в три часа ночи, потому что студенты в квартире наверху устроили шумную вечеринку.

Брунетти улыбнулся, заметив, что посетительница немного расслабилась.

— О нет, ничего подобного! — воскликнула синьора Кросера и наклонилась, чтобы отодвинуть сумочку еще на пару сантиметров. — Я к вам по серьезному делу.

Она несколько раз скрестила ноги в щиколотках и расставила их, потом слегка повернулась на стуле. Свет из окна падал на правую сторону ее лица, подчеркивая впадинку на виске. Женщина сцепила руки на коленях и какое-то время рассматривала их.

— Я знаю, у вас с Паолой есть дети, — проговорила она наконец, бросая на комиссара быстрый взгляд.

— Да, двое.

— Они подростки, верно?

— Да, они не такие уж маленькие, — легко согласился Брунетти.

Синьора Кросера снова уставилась на собственные руки.

— У нас с мужем тоже есть дети. Двое. Сын и дочка.

— Как и у нас с Паолой. Мальчик и девочка. — Брунетти подумал, что ей, наверное, это уже известно. — Но уже через несколько лет, — продолжал он тем же тоном, — они станут мужчиной и женщиной. — Комиссар улыбнулся, словно опять пожимая ей руку вместе с этим доверительным признанием. — Отрезвляющая мысль, вы не находите?

— У вас хорошие дети, не так ли? — спросила профессоресса Кросера.

Брунетти ожидал, что она скажет что-то о своих детях, но некоторым нужно время, чтобы расслабиться и принять тот факт, что они беседуют с полицейским по собственной инициативе. Такие люди хотят убедиться в том, что разговор этот может быть несущественным, даже дружеским, прежде чем поймут нужную волну и заговорят о том, что их сюда, собственно, и привело.

— Думаю, да, — ответил комиссар. — И Паола тоже так считает. — Ему редко приходилось признавать нечто подобное, поэтому он тут же добавил, движимый едва ли не суеверным страхом: — Но боюсь, в этом случае на наше мнение лучше не полагаться.

Спрашивать о ее детях было еще рано, хотя именно это, скорее всего, и было причиной ее прихода.

— На каком факультете вы преподаете, профессоресса? — Брунетти решил зайти с другой стороны, попутно заверив посетительницу, что Паола не сообщила ему о ней никакой информации.

— На архитектурном. Но уже не на полную ставку, ведь я работаю консультантом по градостроительному проектированию. Преимущественно в Турции, но в Румынии и Венгрии тоже иногда бываю. Я вообще часто езжу в командировки.

Повисло молчание. Брунетти сидел и ждал — тактика, доказавшая свою эффективность за долгие годы работы. Человек, который к нему приходит, хочет что-то обсудить, и если дать ему волю и не грузить вопросами, рано или поздно он заговорит.

Прошло не меньше минуты, прежде чем профессоресса Кросера сказала:

— У меня тоже хорошие дети. Вот только сын... изменился.

Женщина наклонилась, и Брунетти решил, что сейчас она достанет из сумочки фотографию — либо «все еще хорошей» дочки, либо сына. Но синьора Кросера всего лишь поерзала на стуле и опять выпрямилась.

— Я беспокоюсь, — начала она было, но голос у нее снова предательски сорвался.

Посетительница зажмурилась, закрыла рот руками и покачала головой.

Брунетти отвернулся и уставился в окно — единственное, что может сделать в такой ситуации приличный человек. Начался дождь, редкий и заунывный, тот, что так раздражает городских жителей и не приносит никакой пользы фермерам. Горожанин до мозга костей, Брунетти тем не менее всегда (в любое время года!) думал о фермерах: желал им успеха, плодородной земли и хорошего урожая. На его памяти дождь сгубил немало тувель и промочил немало плащей, а однажды даже испортил потолок — и все равно Брунетти радовался ему, одобрял и испытывал почти телесное удовольствие, наблюдая за тем, как он идет.

Дождь усилился. Интересно, профессоресса Кросера оставила пальто внизу, в гардеробной? В *армадио*¹⁵ он держал два запасных зонтика и мог бы одолжить ей один из них. Когда они закончат. Но как закончить, не начав?

— Я пришла поговорить о нем, — наконец услышал он голос посетительницы.

Она так и не открыла глаз, но ее руки теперь лежали на коленях.

Всплеск за окном привлек внимание Брунетти, и он снова стал смотреть на дождь.

— Думаю, я уже могу говорить, — немного спокойнее произнесла синьора Кросера. — Моему сыну... — Она посмотрела на комиссара — тот как раз повернулся и встретился с ней глазами. — Ему пятнадцать. Он учится в школе Альбертини. И дочка тоже.

Если бы Брунетти не решил, что его детям лучше учиться в государственной школе, он тоже отправил бы их в Альбертини. Дорогая частная школа, в которой бо́льшая часть предметов преподавалась на английском, находилась в *палаццо* возле *кампо*¹⁶ Санти-Джованни-э-Паоло. Она имела хорошую репутацию и оправдывала ее: почти все выпускники Альбертини поступали в университет, многие выигрывали гранты на обучение за границей.

— Очень хорошая школа, — сказал Брунетти.

Синьоре Кросере понадобилось время, чтобы кивнуть в знак согласия.

— Сколько лет ваши дети посещают эту школу? — спросил комиссар, нарочно не заостряя внимание на сыне.

— Сандро — два года. Он сейчас во втором классе *лицео*¹⁷.

— А дочка? — мягко поинтересовался Брунетти, словно этот вопрос естественно вытекал из первого.

— Она в четвертом классе.

— Ваши дети хорошо учатся? — Это был самый нейтральный вопрос, который комиссар смог придумать.

— Аурелия — да, — ответила синьора Кросера быстро и с явным облегчением. — Сандро же... — начала она, и ее голос оборвался. После паузы она заставила себя закончить: — Сандро — нет. С некоторых пор.

— Он уделяет мало внимания домашнему заданию? — поинтересовался Брунетти из элементарной вежливости, одновременно перебирая в уме причины, которыми еще можно объяснить плохую успеваемость подростка.

— Он вообще не занимается, — запинаясь, пробормотала синьора Кросера. — Раньше занимался. Когда только перешел в новую школу. Но в этом году...

Ее руки нащупали твердые подлокотники стула и вцепились в них. Взгляд профессорессы Кросеры был устремлен на стол комиссара, как будто там лежали школьные табели ее сына с низкими оценками и пометкой о плохом поведении.

Брунетти тихонько кашлянул — привычная и понятная всем реакция на плохую новость, о чем бы то ни было. Комиссар предпочел бы получить информацию от посетительницы, а не вытягивать ее по крупицам с помощью хитроумных вопросов. Он продолжал перебирать в уме возможные причины, и наипервейшей были наркотики — самый ужасный родительский кошмар.

Недавно Брунетти поймал себя на том, что машинально напрягает мышцы бедер, спускаясь по лестнице в собственной парадной. Он не замечал этого, пока однажды не обнаружил, что вздыхает с облегчением, когда последняя ступенька остается позади и тело может расслабиться. Нечто подобное происходило каждый раз, когда речь шла о подростках, столкнувшихся с опасностями современной жизни и сделавших что-то не так: комиссар собирался с духом и попросту запрещал себе переносить это, даже гипотетически, на своих детей.

— В прошлом году Сандро был вторым в классе по успеваемости. А в этом семестре, хотя с его начала прошло всего два месяца, учителя

уже делают ему замечания. Конечно, оценки еще не выставляли, слишком рано, но мой сын перестал приносить домой книги, и я никогда не вижу, чтобы он делал домашнее задание. Или что-нибудь читал.

— Вот как? — мягко проговорил Брунетти, невольно отмечая контраст с собственными детьми, которые приводили домой одноклассников, чтобы позаниматься вместе, или ходили к ним домой готовиться к контрольным; им нравилось учиться в школе, нравилось узнавать что-то новое.

Синьора Кросера подвинулась, отводя скрещенные ноги в сторону, но тут же снова поменяла позу.

— Мой муж не считает... — начала она, но осеклась, а затем произнесла: — И я наконец решила прийти к вам и попытаться хоть что-то выяснить.

Брунетти, который, напротив, думал, что эта женщина пришла что-то ему рассказать, промолчал. Он по опыту знал, что для многих откровенный разговор с полицией — едва ли не предательство. «А легко ли тебе самому было бы рассказать что-то о своих детях малознакомому человеку?» — спросил себя комиссар. Раз уж синьора Кросера пришла со своими тревогами в полицию — а не к врачу, не в социальную службу и даже не к священнику, — нетрудно догадаться, к какой сфере они относятся.

— Какую конкретно информацию вы хотели бы получить, профессоресса?

Ее голос прозвучал чуть выше, чем обычно:

— Я знаю, что торговать наркотиками — преступление. А употреблять?

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

Рекомендована література



Шокова терапія



Зыбучіе пескі



Юмористические рассказы

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ